

О. Н. Михайлова (Чебоксары)

Символ плодородия в свадебных песнях средненизовых чувашей

В данной работе мы рассматриваем символы плодородия (плодовитости)¹, используемые в таком жанре устного народного творчества средненизовых чувашей², как *туй юрри* (свадебные песни). Эта тема ранее не становилась предметом специального изучения. В начале XX в. собирателями фольклорных и этнографических материалов песни и обряды чувашей в основном фиксировались отдельно друг от друга. Такого же подхода придерживались ученые в советское и постсоветское время. По этой причине интерпретация чувашских свадебных песен в этнографическом контексте сопряжена с некоторыми затруднениями.

В русской фольклористике исследование свадебной символики проводилось рядом ученых [Потебня 1989; Пропп 1999; Круглов 1978; Хроленко 1992; Гура 1997; Морозов 1998; Сысоева 1999; Чернобаева 2011 и др.]. Тема символа плодородия затронута в книге «Русский фольклор» (2002), авторы которой Т. В. Зуева и Б. П. Кирдан раскрыли некоторые образы, символизирующие плодovitость, а также ритуальные действия, призванные обеспечить многодетность семье, богатый урожай, удачный приплод. В данном ключе ими рассматриваются банный обряд, завершающий девичник, а также послесвадебное обливание, устройство постели для молодых на снопах, в амбаре, в хлеве. Образы курицы, яйца, медведя, встречающиеся в цикле свадебных обрядов русского народа, наделены той же семантикой [Зуева, Кирдан 2002]. Система свадебных символов прослежена Т. Ф. Пуховой в статье «Тематика и поэтика свадебных песен Верхнемамонского района Воронежской области» [Пухова 1999]. Наряду с другими ею выделены символы, воплощающие идею плодородия, среди них — паляница, зерно, виноград, сад, береза, роевые пчелы, дождь.

Наше исследование базируется на анализе письменных источников — текстов конца XIX — середины XX в. из фондов НА ЧГИГН, собранных для издания «Свадебный фольклор средненизовых чувашей». В его основу положена систематизация свадебных песен, произведенная В. Г. Родионовым по действующим лицам свадебных обрядов: *хёр йёрри* (причитания невесты), *хёр сум юррисем* (песни подружек невесты), *кёрнүкер юррисем* (песни дружины жениха), *каччӑ енчи туй арӑм юррисем* (песни женщин из свиты жениха), *хёр енчи туй арӑм юррисем* (песни женщин из свиты невесты) [Родионов 1982, 93]. Исключение составля-

¹ Понятия «плодородие» и «плодовитость» в статье используются в качестве синонимов.

² Данную этнографическую группу составляют чувашы, расселенные в северных и северо-восточных районах Чувашской Республики: в Марпосадском, Козловском, Цивильском, Урмарском, Янтиковском, Канашском, частично Чебоксарском и Вурнарском.

ют *ман кёрү такмакё* (приговоры дружки), бытовавшие, но не зафиксированные у средненизовых чувашей.

Главный смысл свадебного обряда состоял в продолжении рода, для чего требовалось пробудить у человека и у природы плодородящие силы. Эта идея связывала воедино все свадебные элементы, отождествляла живое по признаку жизни [Зуева, Кирдан 2002, 93].

Песни, сопровождавшие чувашское свадебное празднество, объясняли смысл и значение того или иного обряда, посредством определенных образов выражались идеи прихода новой жизни, долголетия, богатства, благополучия, семейного союза и деторождения. В основном это образы животных, присутствующих в повседневной жизни человека: ласточка, вьющая гнездо (*ййва савăракан чёкеç*), пара птичек на лугу (*тăваткал саран варринчи майăр кайăк*), иволга (*сар кайăк*), петух (*автан*), курица-наседка (*пуслăх чăххи*), курица, выводящая цыплят (*чеп каларакан чăхă*), утка (*кăвакал*), дикие гуси, летящие вереницей (*картине пыракан кайăк хур*), роевые пчелы (*уйрăлса тухнă пыл хурчĕсем*), коза (*качака*), лягушка (*шана*), куница (*сăсар*), рыба (*пулă*), свинья с поросятами (*сыснапа сурисем*) и др. Подобной семантикой в песнях также наделяются растения, дающие обильный урожай. Наиболее часто в песнях встречаются земляника (*хурăн сырли*), яблоневый сад (*пахчи-пахчи пах улми*), орешник (*шĕшкĕлĕх*), дуб (*юман*), горох (*пăрса*), хмель (*хăмла*), капуста (*купăста*), гриб (*кăмна*) и др.

Особо выделяются глубинным смыслом архаичные образы: яйцо (*сăмарта*) и зерно (*тырă*). Остановимся на них более подробно.

Яйцо — древний обрядовый символ, наделяемый семантикой возрождения, плодovitости, удачи, богатства, здоровья и т. д. В традиционной культуре чувашей яйцо как самостоятельный продукт и в составе других блюд использовалось на молениях и выполняло самые разные функции в обрядах. Широко распространенным является данный образ и в свадебной поэзии. Сохранились разные варианты текстов песни «Шурă-шурă сăмарти» («Белое-белое яичко»):

Шурă-шурă сăмарти, Йĕп чикмелĕх шăтăк сук. Çак ял хĕрсен намăс сук, Пире тăма вырăн сук.	Белое-белое яичко, Иголку воткнуть трещины нет. У девок этой деревни стыда нет, Нам стоять места нет ³ .
---	--

Похожая песня есть в репертуаре песен подружек невесты:

Чăпар-чăпар сăмарта, Тыткала пĕлмесĕр катрăмăр. Ай-хай тантăш Улька пур, Пăха пĕлмесĕр уйăрса ятăмăр.	Рябое-рябое яичко, Не умея обращаться, разбили. Ай-хай, подружка Ольга есть, Не умея заботиться, отделили ⁴ .
--	---

Или песня, исполнявшаяся на свадьбе женщинами из свиты жениха:

Шурă-шурă сăмарти, Шуратрăмăр, сирĕмĕр.	Белое-белое яичко, Почистили, поели.
--	---

³ Д. Тувси, Цивильский р-н, ЧАССР (ныне ЧР). Соб. С. Г. Григорьев. 1927 г. [НА ЧГИГН. Отд. I. Инв. № 14].

⁴ Окрестность Тюрлемы, Чебоксарский уезд (ныне Козловский р-н, ЧР). Соб. А. Александрова. 1884 г. [НА ЧГИГН. Отд. I. Инв. № 28].

Ай-хай кинём-пукане,
Юратрәмәр, илтёмәр.

Ай-ай, невестка как куколка,
Полюбили, <замуж> взяли⁵.

Анализ показывает, что во всех песнях, где использован прием параллелизма, яйцо и невеста-девушка создают единый поэтический образ.

Употребление яйца в пищу в свадебных обрядах было глубоко символичным:

Хёре (невесту) килте, ҫынсем панче те непременно ҫамарта шүрпи ҫитерессё,
ачаллә-пачаллә пултәр тесе.

Невесту и дома, и у других людей непременно угощают похлебкой из яиц, чтобы имела детей [Ашмарин 2000, 22].

Традиция угощения невесты яйцом сохранилась по сей день. Когда невесту приводят в дом жениха, первым делом сажают ее за стол и дают съесть вареное яйцо. В песне, которую исполняют женщины из свиты жениха, в частности жена старшего брата жениха, также говорится о похлебке из яиц — пище с символическим значением:

Пирён те ыв(әл)сем калатчё:
Манән та хуннём пит пуян,
Эсир туя пырассан
Така яшки парать терё.
Така яшки мар кунта,
ҫамарта шурпит(е) ҫук кунта.

Наш деверь говорил:
Мой да тесть очень богат,
Когда вы на свадьбу придете,
Суп с бараниной подаст, говорит.
Не то что суп с бараниной,
Даже похлебки из яиц здесь нет⁶.

Мотив катания яйца (*ҫамарта кустарни*) запечатлен в тексте причитания невесты «Шур ҫамарта кустартәм» («Белое яйцо катала»):

Шур ҫамарта кустартәм,
Юшкән айне путайчё;
ҫинҫе пүме үстергём,
ҫичё ют кулли пулайчё.

Белое яйцо катала,
В тине утонуло;
Стройный стан выпестовала,
Чужаку для утехи достался⁷.

В данном тексте жизнь вышедшей замуж девушки на чужбине образно сравнивается с яйцом, упавшим в грязь. Мотив катания яйца присутствует и в песне подружек невесты:

Шур ҫамарта кустартәм,
Чүрече витёр тухах кай;
Йыснаҫамах прахәҫ пур,
ҫёлёкна ил те тухах кай;

Белое яйцо катала,
Из окна возьми да выкатись;
Неудобный зять есть,
Шапку возьми да выйди вон;

⁵ Зап. от А. Ф. Колбасовой, д. Нижарово, Янтиковский р-н, ЧР. Соб. И. Г. Васильева. 1982 г. [НА ЧГИГН. Отд. III. Инв. № 1964].

⁶ Зап. от У. Георгиевой, с. Первое Степаново, Чуратчинская волость, Цивильский уезд (ныне Цивильский р-н, ЧР). Соб. А. М. Моисеева. 1927 г. [НА ЧГИГН. Отд. III. Инв. № 972].

⁷ Янтиковская волость, Цивильский уезд, Казанская губерния (ныне Янтиковский р-н, ЧР). Соб. Т. Терентьев. 1910 г. [НА ЧГИГН. Отд. I. Инв. № 208].

Пёччен килнĕ, пёччен кай,
Эпир аппана памастпӑр.

Один пришел, один уходи,
Сестру мы не отдадим⁸.

Катание яйца — один из древних ритуалов, составной элемент многих обрядов, обеспечивающих плодородие. Этим же действием сопровождался выгон скота на пастбище. В один из весенних дней женщины, проводив коров до места выпаса, катают яйца, потом съедают их, скорлупу складывают в кучу. Смысл этого ритуала в том, «чтобы скот был тучным и плодовитым <...>» [ЧЭ 2006, 382]. В связи с этим заметим, что чувашское слово *кус* ‘катиться’ употребляется также в другом значении: ‘распутничать’, ‘случать’ [Ашмарин 1999, 55]. Катание яйца также производят в весеннем обряде *Сёрен*, время совершения которого совпадает с христианской Пасхой [Салмин 1994, 55]. Яйцо присутствует у чувашей в основном в хозяйственных обрядах: оплодотворения земли, вымаливания дождя, жертвоприношения для содействия благополучному урожаю и приплоду скота.

Идея плодовитости воплощена в песнях и посредством образов зерна и зерновых продуктов — муки (*çăнăх*), теста (*чуста*), хлеба (*çăкăр*). Часто в песнях звучат мотивы жатвы (*тырă вырни*), наполнения зерном закромов (*пӗлме тулли тырă тунци*). В качестве примера приведем причитание невесты:

Пёрчĕн-пёрчĕн пустарса,
Пёр кĕлет тырă эп турăм.
Пёрĕн-пёрĕн суйласа
Пёр картиш сын эп турăм.

По зернышку собирая,
Целый амбар зерном я наполнила.
По одному выбирая,
Целый двор людьми я наполнила⁹.

Если закрома полные, будет и мука. Наличие муки — один из главных показателей благополучия, достатка в семье. Свадьба требовала больших расходов от обеих сторон: и невесты, и жениха. Церемония скрепления семейных уз не могла состояться без денег, муки и лошади. Об этом свидетельствует следующая песня:

Кăçал авланас тенĕчĕ,
Атте «укса çук» терĕ;
Кăçал авланас тенĕчĕ,
Анне «çăнăх çук» терĕ;
Кăçал авланас теетгĕм,
Пичче «лаша çук» терĕ.

Нынче жениться задумал,
Отец сказал, что денег нет;
Нынче жениться задумал,
Мать сказала, что муки нет;
Нынче жениться задумал,
Брат сказал, что лошади нет¹⁰.

О замесе теста (*чуста çăрни*) упоминается в одном из вариантов песен дружков жениха «Туй, туй, туй тесе» («Свадьбы да ради свадьбы»). Для раскрытия его смысла целесообразно приведение полного текста:

Туй, туй, туй тесе
Пурнас йытта вĕлерсе
Праппан туса килтёмĕр.

Свадьбы да ради свадьбы
Собаку, которая могла бы пожить, забили,
Барабан сделали и приехали.

⁸ С. Янтиково, Янтиковская волость (ныне Янтиковский р-н, ЧР), Цивильский уезд. Соб. А. И. Улитин. 1925 г. [НА ЧГИГН. Отд. I. Инв. № 631. Ед. хр. 9076].

⁹ С. Турмыши, Канацкий р-н, ЧАССР (ныне Янтиковский р-н, ЧР). Соб. В. Разин. 1929 г. [НА ЧГИГН. Отд. III. Инв. № 950].

¹⁰ Д. Мижули, Воскресенская волость, Чебоксарский уезд (ныне Марпосадский р-н, ЧР). Соб. воспитанник старшего отделения СЧУШ. 1885 г. [НА ЧГИГН. Отд. III. Инв. № 147].

Сак параппан мён калать,	О чем этот барабан поведает?
Сак параппан мён калать?	О чем этот барабан поведает?
Вун ик туя ситрём тет,	На двенадцати свадьбах бывал, говорит,
Вун ик туя ситрём тет,	На двенадцати свадьбах бывал, говорит,
Вун ик туя ситсе те	На двенадцати свадьбах побывав,
Паянхи пёк курманччё,	Такой, как сегодня, не видал,
Шарттан сисе курманччё.	Ширтан доселе не едал,
Ача лайах Михаля пур,	Хорош жених Михаил,
Ача лайах Михаля пур,	Хорош жених Михаил,
Кинём лайах Марье пур,	Хороша невестушка Марья,
Астуман та: Алтатъ пур.	Как же позабыли: Авдотья есть.
Михаля Алтатъ патне чупнӓ чух	Когда Михаил бегал к Авдотье,
Ашшӓ шалча лартман пуль,	Отец кольца не ставил, видно,
Амӓш чуста сӓрман пуль.	Мать тесто не ставила, видно.
Пӓрӓнӓк саканни — Алтатти,	Пряниками угощается Авдотья,
Ӕслӓкенни — Марийӓй.	Работницей становится его Марья ¹¹ .

В процессе приготовления хлеба замес теста играет важную роль. В данном контексте он выступает как предвестник праздника, значительного события. Первое упоминаемое в тексте имя принадлежит той, которую жених выбрал для совместной жизни, а второе имя — имя его возлюбленной. Отражен в свадебной поэзии также мотив выпекания хлеба в печи (*кӓмакара сӓкӓр пӓсерни*):

Анне кӓмаки сакӓр шит,	Матушкина печь восьми пядей,
Сакӓр сӓкӓр кӓртеттӓм,	Восемь хлебов я вмещала,
Юратъ, хӓрӓм, тееччӓ.	«Хорошо, дочка» говорила.
Сич ют кӓмаки тӓхӓр шит,	Чужанина печь девяти пядей,
Тӓхӓр сӓкӓр кӓртсен те	Если даже девять хлебов вмещу,
Ӕп сич юта юрас сук.	Я чужанину не смогу угодить ¹² .

В данном причитании отражены чувства тревожного ожидания замужества и сокровенная мечта о большой и дружной семье, в которой должны царить мир и лад, понимание и забота о близких. Печь символизирует женское чрево, а выпечка хлеба уподобляется рождению ребенка. О беременной женщине, которой скоро предстоят роды, чувашки говорят: «Кӓмаки ишӓлмен-ха» («Печь ее еще не развалилась»). Существовал обряд «перепекания ребенка», во время которого болезненного, исхудалого ребенка, обмазав тестом, сажали на лопатку и «ставили» в чуть теплую печь, полагая, что ему надо «дозреть» в утробе печи, так как, родившись ранее срока, не «дозрел» во чреве матери. В приведенном нами примере свадебного причитания имеется глубокий подтекст: на чужой стороне замужней женщине будет трудно заслужить любовь и уважение, даже если она будет ловко справляться с любыми домашними делами и родит множество детей.

Наряду с хлебом в песнях встречаются также образы калача и лепешек. В песне подружек лицо невесты сравнивается с верхней поверхностью калача. Имеют-

¹¹ Д. Тузи, Цивильский уезд, ЧАССР (ныне Цивильский р-н, ЧР). Соб. П. Федоров. 1928 г. [НА ЧГИГН. Отд. I. Инв. № 598].

¹² Д. Вторые Чекуры, Октябрьский р-н, ЧАССР (ныне Марпосадский р-н, ЧР). Соб. Ф. Я. Короткова. 1950 г. [НА ЧГИГН. Отд. III. Инв. № 63. 587].

ся несколько текстов, где говорится об употреблении или неупотреблении хлеба (*çăкăр çини е çименни*). Непосредственно в свадебных обрядах использовались как зерно, так и мука, тесто, хлеб. Например, во время сватовства в назначенный день отец жениха в кругу родных и родственников невесты подносил отцу невесты каравай хлеба с частью денежного выкупа. Спустя некоторое время (одна-две недели) отец и мать жениха приезжали к родителям будущей невестки для совершения обряда обмена гостинцами (*пăлчав*) — обменивались бочонком пива и сдобными хлебцами [Сироткин 1965, 23–24]. По пути следования к дому тестя поезжане останавливались на перекрестках и оставляли там куски хлеба, сыра, монеты с целью задабривания злых духов. Забрав невесту, жених и его свита выезжали из деревни в поле, засеянное хлебом. Свекор и свекровь у крыльца встречали молодых хлебом и солью [Комиссаров 2003, 59]. Во время проведения обряда *таянчăк тыттарни* (букв. ‘вручение подпорки’) во дворе свекра молодых осыпали мукой (или зерном). Первый замес теста молодухой в доме мужа назывался *çĕнĕ сын салми* (букв. ‘салма¹³ нового человека’). Суп с салмой она готовила на воде, принесенной ею же во время обряда *шив çулĕ пуслани* (букв. ‘прокладывание дороги к воде’) [Салмин 1994, 127, 133–134, 144–146].

Те же самые предметы с символикой плодородия, встречающиеся в свадебных песнях, присутствуют и в обрядах, совершаемых во время свадебного торжества. Традиционная чувашская свадьба была пронизана идеей плодородия, значимой для земледельца. По мнению И. Г. Петрова,

производящие обряды (осыпание молодых мукой, горохом, хмелем, зерном, прутиками веника, приглашение на церемонию одевания невесты беременной или многодетной женщины, кормление молодых похлебкой с яйцами и другими кушаньями и т. д.) были призваны обеспечить магическое соприкосновение (контакт) молодых в начальный момент их совместной жизни с предметами, связанными с культом плодородия и с людьми, обладающими желательными качествами (долголетием, чадородием, благополучием в семейной жизни и т. д.). Одна из главных целей этих обрядов — способствовать появлению у молодоженов многочисленного потомства [Петров 2015, 35].

Итак, в свадебных песнях средненизовых чувашей встречаются те образы из мира растений и животных, которые несут в себе идею плодovitости. Глубинный смысл этих образов в песнях состоит, вероятно, в том, что они создают модель поведения молодых супругов в брачном союзе, формируют представления о роли каждого из них в семье в соответствии с традиционными гендерными стереотипами. Символы плодородия в контексте свадебной обрядности средненизовых чувашей требуют дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Ашмарин 1999 — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Т. 7. Чебоксары, 1999.
Ашмарин 2000 — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Т. 13. Чебоксары, 2000.
Гура 1997 — Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
Зуева, Кирдан 2002 — Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор. М., 2002.

¹³ Национальное чувашское блюдо из сваренного в воде или бульоне теста (в виде лапши, клецок и т. п.). *Прим. ред.*

- Комиссаров 2003 – *Комиссаров Г. И.* О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма / сост. и прим. В. Г. Родионова; пред. Л. П. Куракова. Чебоксары, 2003.
- Круглов 1978 – *Круглов Ю. Г.* Русские свадебные песни: учеб. пособие для пединститутов. М., 1978.
- Морозов 1998 – *Морозов И. А.* Женитьба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой свадьбы/женитьбы. М., 1998.
- Петров 2015 – *Одежда в родинных обрядах чувашей: историко-этнографические очерки.* СПб., 2015.
- Потебня 1989 – *Потебня А. А.* Слово и миф. М., 1989.
- Пропп 1999 – *Пропп В. Я.* Поэтика фольклора. М., 1999.
- Пухова 1999 – *Пухова Т. Ф.* Тематика и поэтика свадебных песен Верхнемамонского района Воронежской области // Свадебные песни Верхнемамонского района / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Т. Ф. Пухова и Г. Я. Сысоева; муз. ред.: О. О. Стазаева, А. А. Петрина. Воронеж, 1999. С. 32–48.
- Родионов 1982 – *Родионов В. Г.* Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Чувашский фольклор: специфика жанров. Чебоксары, 1982. С. 54–105.
- Салмин 1994 – *Салмин А. К.* Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994. С. 55.
- Сироткин 1965 – *Сироткин М. Я.* Чувашский фольклор: очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары, 1965.
- Сысоева 1999 – *Сысоева Г. Я.* Музыкальный стиль мамонских свадебных песен // Свадебные песни Верхнемамонского района / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Т. Ф. Пухова и Г. Я. Сысоева, муз. ред.: О. О. Стазаева, А. А. Петрина. Воронеж, 1999. С. 5–31.
- Хроленко 1992 – *Хроленко А. Т.* Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992.
- Чернобаева 2011 – *Чернобаева О. В.* Поэтика и символика свадебных песен Орловской области (вербальный код ритуала) // Пятые Лазаревские чтения: Лики традиционной культуры: Материалы Международной научной конференции, Челябинск, 25–26 февр. 2011 г.: в 2 ч. / ред. Н. Г. Апухтина. Челябинск, 2011. Ч. 1. С. 342–346.
- ЧЭ 2006 – Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. Чебоксары, 2006.

СОКРАЩЕНИЯ

- НА ЧГИГН – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук
СЧУШ – Сибирская чувашская учительская школа
ЧАССР – Чувашская автономная советская социалистическая республика
ЧР – Чувашская Республика